

звездий и солнца через характерные знаки свастики, ломаного креста в композиционных вариантах «зори», «звезды» и т.п. Многократно повторялись рисунки древа жизни, соединяющего видимый и невидимый миры, в форме «яблони», «сосны» или «вазона» с цветком (соответственно изображение переворачивалось на разных сегментах яйца). По мнению З.Н. Иваницкой, символом миропорядка является сама форма клина, образующегося в результате пересечений основных линий композиции. Версия «священного клина» позволяет раскрыть новые аспекты мировоззрения древних славян, получить определенные сведения об их математических и астрономических знаниях, о письменности и календаре. Анализ композиционной системы клиньев дает возможность объединить и систематизировать все существующие варианты орнаментальных форм писанок, над расшифровкой которых ученые работали долгие годы.

Исследование композиции славянской великоденской писанки имеет практическое значение и предоставляет дополнительный материал для изучения орнаментальных знаков и их пространственной системы на предметах декоративно-прикладного искусства.

Литература

- Афанасьев 1995 — *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Москва, 1995. Т. 1 — 3.
- Болсуновский 1905 — *Болсуновский К.В.* Символ змия в трипольской культуре. Мифологический этюд. Реферат. 2-е издание. Киев, 1905.
- Волков 1878 — *Волков Ф.К.* Отличительные черты южнорусской народной орнаментики // Труды III Археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 2. С. 317—326.
- Иваницкая 2001 — *Иваницкая З.Н.* Писанка. М., 2001.
- Кордуба 1899 — *Кордуба М.* Писанки на Галильцій Волині. Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1899. Т. I. С. 169—207.
- Кулжинский 1899 — *Кулжинский С.К.* Описание коллекции народных писанок. М., 1899. Вып. I.
- Миков 1990 — *Миков Л.* Български великоденски обреден фолклор. София, 1990.
- Сумцов 1891 — *Сумцов Н.Ф.* Писанки // Киевская старина. 1891. Вып. XXXIII. № 5. С. 181—209; № 6. С. 363—383.
- Таранушенко 1927 — *Таранушенко С.* Українські писанки як пам'ятники народного мalarства // Наукові записки Науково-Дослідчої катедри історії Європейської культури. Харків, 1927. Т. III. С. 449—455.
- Щербаківський 1925 — *Щербаківський В.* Основні елементи орнаментатії українських писанок та їх походження. Прага, 1925.
- Moravske ornamenty 1888 — *Moravske ornamenty / Red. M. Wanklowa.* Olomouc, 1888.

Е.С. ГАЛУЕВА

(Москва)

ПРЯНИК В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

История русского пряника необычайно интересна, но мало изучена. Вкусный декоративный пряник был распространен в России повсеместно. В прошлом он сопутствовал многочисленным базарам и ярмаркам, празднествам и гуляниям, важным и торжественным событиям в жизни народа.

Одним из первых к изучению русского пряника во второй половине XIX в. обратился И.А. Голышев. Он собрал материалы, свидетельствующие о многозначной роли пряника — детской игрушки, которая одновременно была и любимым лакомством; украшения праздничного стола; подарка-подношения, выражавшего почтение, признательность и любовь; лекарственного средства, обладавшего большой целительной силой; милостыни; поминального блюда [Голышев 1874, 3]. При этом исследователь подчеркивал особо важную роль пряника именно в свадебных обрядах. «В свадебных пиршествах большие пряники заключают свое особенное значение: ими заканчиваются <...> вечеринки накануне свадьбы, главные, называемые гордые столы после брака и другие свадебные пиршества. Они приносились и в числе гостинцев невесте, дарились свахе, они же заменяли хлеб-соль при встрече повенчавшихся» [Голышев 1874, 4]¹. Здесь же автор уточнял, что время внесло свои коррективы в традицию использования пряника на свадьбе: «частию хотя и остались в надобности большие пряники во время свадеб, но <...> без большого значения, как в старину» [Голышев 1874, 5].

В работах некоторых современных исследователей эта мысль звучит еще острее. Так,

¹ Замечания И.А. Голышева интересно сопоставить с наблюдением П.В. Шейна о функциях хлеба в культуре народа: у крестьянина «хлеб играет самую видную роль во всех его радостях и печалях. Так с хлебом идут проведать родильницу и взглянуть на новорожденное дитя... <...> С хлебом идут в сваты, делают запоины, сговариваются, с хлебом отправляют жениха за невестой; с хлебом его там встречают, а потом и его и невесту с хлебом же отправляют в церковь к венцу. И от венца молодых опять-таки встречают с хлебом и в корчме и в доме их родителей...» [Шейн 1902, 241—242].

можно встретить утверждение, что пряник во второй половине XIX — начале XX в. полностью утратил обрядовые функции на крестьянской свадьбе и выполнял их лишь в среде горожан [Жирнова 1978, 39]. Однако многочисленные разрозненные свидетельства о бытовании декоративного пряника в связи с крестьянской свадьбой этого периода, которые не были до сих пор широко использованы в научной литературе, помогают иначе взглянуть на эту проблему и сделать более определенные выводы о роли пряника в свадебных обрядах крестьян.

В настоящей статье мы попытаемся обобщить эти отрывочные и неполные сведения, встречающиеся в описаниях свадебного обряда, сделанных в разных регионах России во второй половине XIX — начале XX в. Следует, однако, сразу оговориться, что хотя пряничное угощение в предсвадебных, свадебных и послесвадебных обрядах русских крестьян зафиксировано по всей России, больше всего упоминаний о прянике можно найти в материалах, представляющих Русский Север и среднюю полосу. Связано это не столько с локальной спецификой обряда, сколько с тем, что свадебные обряды в это время лучше изучались именно здесь.

Таким образом, задача нашего исследования — определить роль пряника в свадебном обряде русских крестьян второй половины XIX — начала XX в.

В крестьянской среде еще задолго до свадьбы пряничное угощение сопровождало различные события, приближающие свадебное торжество. В песенном фольклоре нашел отражение обычай, следуя которому парни угощали понравившихся им девушек различными лакомствами (орехами², конфетами, пряниками):

Как не ты ли меня высушила...

<...>

Призаставила гостинчики носить.

Из гостинцев одни прянички,

Из орешков — одни ядрышки.

[Иваницкий 18856, 384—385] —

или:

Ой, дарил я, дарил я

Прянички-бобочки,

Наголо медочки,

Орехи калены,

Девкам подарены.

[Бурцев 1902 (3), 138].

² Кроме орехов-плодов в этнографических описаниях нередко упоминаются *пряничные орехи* — «испеченные маленькие шарики», которые изготавливались из пряничного теста [Голышев 1874, 5; Даль 1882, 532].

Здесь же можно найти и объяснение этому обычаю:

Дряни, дряни, дрянички,

Любят девки прянички.

Что старуха-то в углу

Кричит: «Прянички люблю!

Калача есть не хочу!»

[Иваницкий 1885а, 323].

Зная любовь девушек к пряникам, парни могли использовать их как приворотное средство. В конце XIX в. в Пошехонском у. Ярославской губ. влюбленный парень заворачивал пряник в тонкую тряпицу и клал подмышку правой руки, нося до тех пор, пока не показывался пот. После этого пряник дарился любимой девушке. Считалось, что, съев его, девушка полюбит даже нелюбимого прежде парня [Балов 1899, 14]³. Сохранилось несколько севернорусских наговоров на прянике [Бурцев 1902 (2), 9—10].

Часто знакомства, завершившиеся свадьбой, происходили на посиделках. Здесь, среди разнообразных угощений, девушки особое предпочтение отдавали пряникам:

Я спрошу же: есть ли прянички?

Еся прянички — весь вечер просижу,

Нету пряничков — с беседы прогоню...

[Иваницкий 1885, 62].

В традициях пряничных угощений различных регионов России были свои особенности. В Ярославской губ. пряники для бесед покупали сами девушки. В Тверской, Костромской, Нижегородской губ. пряники на посиделки приносили парни и угощали понравившихся девушек. В Казанской губ. на святках парни и девушки делали ссыпчину для покупки орехов и пряников.

Пряник входил в число обязательных свадебных гостинцев жениха. В свадебных песнях часто говорится о прянике как о первом подарке жениха невесте среди других подношений: орехов, конфет, ягод, мыла... В некоторых районах Владимирской, Вологодской, Архангельской губ. жених должен был привозить пряники невесте и ее подругам на посиделки⁴. Во Владимирской губ. приезжавший на «сиденки» с гостинцами жених несколько раз вызывал свою невесту из чулана особыми

³ Ср.: пот невесты примешивался к пирогу, которым угощали жениха, чтобы совместная жизнь молодых была счастливой [Ордин 1896, 71].

⁴ Хотя обычай, связанные с пряниками, имели свои местные особенности, почти во всех известных случаях «жениховы гостинцы» предназначались не только для невесты, но и для ее подруг.

приговорами; происходил обмен подарками, причем жених каждый раз одаривал невесту пряником. С этого лишь начинались его первые гостинцы [Соколов 1914, 155].

Поднесение подарков «свидетельствовало о состоятельности, щедрости, широте души, искренности намерений дарившего и было средством социальной и нравственной характеристики... Ритуал дарения имел символическое значение. Девушка, принимая подарки, тем самым выражала свою симпатию юноше, а отвергая или возвращая подарки, отвергала его ухаживания» [Болонева, Мельникова 1985, 13]. Пряник в этом играл существенную роль, так как обычай пряничных досвадебных угощений был распространен повсеместно.

Интересно, что во многих регионах России во второй половине XIX в. все без исключения гостинцы жениха имели название *на пряник*⁵. В Тотемском у. Вологодской губ. поездка жениха с разными гостинцами называлась поездкой *с прениками*, что также говорит о традиционности здесь свадебного пряничного угощения [Едемский 1910, 21]. В Архангельской губ. в период между сватовством и смотринами жених со сватом ездил или ходил к невесте с пряниками [Воронов 1862, 4].

Во время дарения пряников по ходу обряда совершались определенные действия. В Казанской губ. во время сговора жених с невестой, в знак обручения, ломали пряник или калач. При этом каждый из них брал отломленную часть [Жаворонков 1915, 534]. В Сольвычегодском у. дружка во время сватанья раздавал гостям положенные свахой пряники («крояное») в строго определенном порядке, по старшинству, со словами:

*Кнезь молодой
Бьет челом
И кланяетча завтрикам,
Сверх тово, сладким преничком,
Подходите и выступайте к столу,
Род и племя...*
[Ордин 1896, 112].

Гости брали пряники правой рукой, обернутой платком, чтобы не жить в бедности.

Пряники часто сопутствовали девичнику, что нашло отражение в причитаниях невесты

⁵ Примечательна традиция преподносить жениховы гостинцы на прянике. Так, в XIX в., «заручившись», жених дарил невесте кольцо, положив его на пряник сверху или предварительно привязав к прянику ленточкой (Архангельская губ.) [Заринский 1914, 25; Ивановский 1914, 33]; «слуга» жениха приносил невесте большой пряник, на котором находились чулки, башмаки, подвязки и подарки всем родным (Вологодская губ.) [Пушкарев 1846, 44].

и в песнях, которые исполняли ее подруги [Едемский 1910, 80—81]. Чаще всего для девичника предназначались небольшие прянички. Во Владимирской и Костромской губ. женихова родня привозила на девичник «коробку» гостинцев — сдобные булочки, пряники, орехи и конфеты. От имени жениха его мать отправляла невесте «в куть» узелок с орехами и конфетами, а дружка подносил угощение из «коробки» сначала коренным свахе и свату, а затем всем остальным гостям [Виноградов 1917, 82—83].

Особенно богатым было застолье в день свадьбы, когда происходило соединение молодых. По народным представлениям обряды, совершенные в этот день, определяли всю дальнейшую жизнь будущей семьи. Неслучайно магическая сущность составных элементов обряда (в том числе и ритуального угощения) проявлялась здесь наиболее ярко.

Именно во время свадебного застолья в Ветлужском у. Тверской губ. сидящим на шубе новобрачным подносили большой свадебный пряник, который назывался *молина*, что означает «освященный в церкви» [Линдеман 1906, 12]. Жених и невеста должны были поцеловаться через вырезанное в центре пряника отверстие [Линдеман 1906, 31].

Ржевский свадебный пряник *малена* был в 1 1/2 аршина длиной, 1 1/2 вершка толщиной, весом в 1 пуд 35 фунтов. Его украшали двуглавый орел, орнамент с цветным сахаром и позолотой [Каменская 1947, 37].

В Александровском у. Владимирской губ. *малену* (или *моленое*), состоящее из двух кусков пряника, куска черного хлеба, платка или какого-либо другого дара, подносили гостям двое дружек в конце Княжьего стола — большого свадебного пира⁶. Подавая угощение гостю, дружка говорил: «*Князь со княгинею просят малену принять, а блюдечко осеребрить*». Гость брал подарок и пряник себе, а черный хлеб целовал и клал на тарелку [Борисоглебский 1854, 176]. Не исключено, что здесь освященным был только черный хлеб, а пряник выполнял лишь роль подношения.

Однако во многих случаях пряник явно вытесняет хлеб из обряда, выполняя отведенные ему прежде магические функции. Так же, как хлеб, в Архангельской и Тверской губ. ку-

⁶ Дружка на свадьбе обычно был главным распорядителем пряничных угощений. Например, в Костромской губ. во время свадьбы дружка «по временам» приносил девушкам «в куть» пряничков и они пели, хваля дружку, «а если мало давал пряников, то пели браня» [Дементьев 1855, 120]. О широкой распространенности пряника в свадебных обрядах говорит и присутствие специального свадебного чина *прянишник*.

сок пряника клали невесте за пазуху. После венчания его делили между молодыми, чтобы они крепче любили друг друга [Заринский 1914, 26]⁷. В Казанской губ. хлеб или большой свадебный пряник, а иногда и то и другое вместе получал священник после венчания. В Костромском у. после венчания, когда свахи «крутят» молодую, священник получал особый круглый «крутильный» пирог с мясной начинкой и большой свадебный пряник [Виноградов 1917, 121]⁸.

В свадебных обрядах самых разных регионов России пряник занимает место, прежде отведенное обрядовому печеню. Пряниками или обрядовым печенем наделяли гостей при открытии невесты; одаривали ребятшек, бегущих за свадебным поездом⁹. Пряниками жених (или дружка) выкупал место в свадебном поезде¹⁰ и за свадебным столом¹¹ [Орехов 1914, 312]. Пирогом или пряником заканчивали свадебные пиры [Голышев 1865, 67 и 72; 1874, 4].

В послесвадебных обрядах русских крестьян второй половины XIX — начала XX в. пряник также пользуется «особым уважением». Широко был распространен обычай, со-

⁷ Ср.: «Молодую вводят в дом к свекру от венца; тогда свекровь, у ворот, сует новобрачной под пазуху пирог, который новобрачные и должны съесть в тот же самый день пополам. Это делается для того, чтобы они жили сыто, в любви, в согласии» (Ярославская губ.) [Трефолев 1869, 3].

⁸ Ср.: «В XVI в., когда жених и невеста выходили из церкви на паперть, отец невесты подносил священнику ломоть хлеба, который тот возвращал обратно. Хлеб тут же разламывали на куски и съедали в изъявление истинного и чистосердечного согласия и в знак того, что будут с тех пор как бы крохами одного хлеба или участниками одного стола» [Рабинович 1978, 9].

⁹ Ср.: в Костромском у. «ребятишки бегут за поездом и кричат, что есть мочи:

*Дружка, дружка пряничков!
Свахонька — орешков!*

Им бросают прямо в снег куски мелко изрезанных, специально на свадьбу покупаемых, так называемых «свадебных пряников» или же орехов» [Виноградов 1917, 119]. В Кадниковском у. Вологодской губ. во время свадебного поезда свахи жениха бросали изрезанные на мелкие части пироги [Кичин 1914, 204].

¹⁰ Ср.: в Костромском у. жених выкупал место в свадебном поезде серебряной монетой, дружка — горстью мелких пряников или орехов [Виноградов 1917, 117].

¹¹ Ср.: Во Владимирской губ. жених, выкупая место за столом, рядом с невестой, говорил ее подругам: «Ну, красные девицы, нельзя ли уступить нам это место». После чего перед каждой клал по прянику или по два, «смотря по состоянию» [Тихонравов 1854, 136].

гласно которому «на другой день свадьбы, молодые идут на поклон к родителям невесты с пряником» [Даль 1882, 533]. В Тотемском у. на другой день после венца к родителям новобрачной «на хлибины молодая привозит витушку, рыбник, хворостков стопу, пряников от 3-х до 5-ти ф. и угощает сначала своих — свекра и свекровь и прочих, потом — отца и мать и других; наконец — соседей и девиц. Девицам всем по горсти пряников и в ноги поклонится каждой» [Едемский 1910, 132].

В Новгородской губ. в заговенье, перед великим постом, молодые ездили в гости к тестю или родственникам, привозя им в подарок пряники в 10 фунтов весом [Делекторский 1915, 864]. Подобный обычай существовал и в Костромской губ., причем здесь молодые специально покупали для этого пряники на торгах в Костроме, Судиславле и в с. Колшево Кинишемского у. [Виноградов 1917, 128—129]. В Пензенской губ. во время масленицы молодые ездили к родным «с мылом». При этом вместе с кусочком мыла они обязательно привозили большой пряник (или хлеб) [Феоктистов 1860, 72].

Во Владимирской, Нижегородской, Ярославской и Костромской губ. накануне последнего свадебного стола (*вьюнин*), который собирался для близких родственников жениха в Фомино воскресенье, также был распространен обычай пряничного угощения [Тульцева 1978, 126—127]. В этот день жених раздавал малолетним детям специально приготовленные пряники — *вьюнцы* [Артынов 1851, 42]¹². Этот обряд, как и многие другие свадебные обряды, должен был «приобщить одариваемых к магической силе "молодых"» [Ивашева 1976, 192].

Многочисленные источники второй половины XIX — начала XX в. подтверждают, что для свадеб изготавливали особые свадебные пряники¹³. В них с удовольствием подчеркиваются размеры пряников, их вес, наличие меда и

¹² Неслучайно пряник часто упоминается во вьюнишних песнях этих губерний. Ср. детские вьюнишные оклички из Нижегородской губ. (Рожновская вол., Семеновский у.):

*Вьюнец-малодец!
Поддай пряник да яйцо,
Да кокурочку еще.
[Тульцева 1978, 126].*

¹³ Только в слободе Мстера Владимирской губ. в 1868 г. для свадеб было закуплено «больших пряников (мерюю 1 1/4 аршина) — 200, маленьких пряников... которые дают во время поезда за невестой, по одному прянику трем свахам — 129. <...> Пряничков разного сорта... около 25 пудов» [Слобода Мстера 1869, 1]. Для крестьянских свадеб различные пряники могли изготавливаться и домашним способом.

пряностей, но крайне редко говорится об оформлении¹⁴. Поэтому большой интерес представляет довольно подробное описание *сговорного пряника* (или *пряницы*), который выпекали в конце XIX — начале XX в. специально для крестьянских свадебных сговоров и девичника ростовские пряничники [Бломквист 1929, 61]. В Ярославских губернских ведомостях находим такой рассказ о дарении пряницы во время девичника: «Жених приносит в подарок невесте зеркало, чулки, башмаки, белил, румян и пряницу. Румянами тут же дарит невеста подруг своих, а пряницу, разрезав на части, раздает после стола, кроме подруг, и прочим знакомым». Здесь же содержится пояснение, в котором пряница характеризуется как «большой, собственно для этого случая приготавливаемый пряник, шириною в аршин, а длиною до полутора аршин, с разными фигурами в виде кукол и дерев, расцвеченными золотом и фольгой, — ценою от 3 до 10 руб. серебром» [Артынов 1851, 42].

Сговорная пряница состояла из большой прямоугольной коврижки, длиной иногда до метра, к которой с помощью деревянных штырьков прикрепляли печатные фигурные пряники, изображающие людей («барыни» и «баринь»), деревья (ёлки) и геометрические фигуры (звезды), а также дешевое зеркальце в раме из теста [Бломквист 1929, 61]. Пряница богато украшалась сусальным золотом и фольгой. Ее покупал в городе жених и привозил невесте, которая после сговорного стола делила пряницу между гостями: фигуры людей дарила подругам, звезды и ёлки — товарищам жениха, а сама коврижка съедалась родными, присутствовавшими при сговоре. Зеркало оставалось у невесты и бережно хранилось [Бломквист 1929, 62]. Соблюдение определенной последовательности при раздаче пряницы говорит о том, что пряничные фигуры в данном случае могли иметь магическое значение. Известно, что крестьяне с магической целью совершали подобные действия с традиционным свадебным обрядовым печеньем-караваем или курником, украшенным наподобие пряницы.

М.Е. Шереметьев в работе «Хлеб и обрядовое печенье» отмечал, что свадебный хлеб с

¹⁴ Выпечка богато украшенных свадебных хлебов имеет древнюю традицию. Еще в XIII в. на столе «в свадебной комнате» стоял «каравай (круглый высокий хлеб с разными изображениями), окруженный другими небольшими караваем, медовыми пирогами, перепечами и сладкими яствами. Новобрачные первыми вкушали каравай» [Терещенко 1848, 39]. Среди прочих лакомств здесь могли быть и пряники, вкусовые достоинства которых и оформление соответствовали происходящему торжеству.

воткнутыми в него изукрашенными ветками был распространен в Калужской, Курской, Смоленской, Владимирской и др. губерниях России [Шереметьев 1929, 229]. Он же дал описание свадебного печенья из Калужской губ., называвшегося *круглый пирок* или *роща*, украшение которого во многом напоминает украшение ростовской пряницы. Рощу мать невесты пекла из крутого пресного теста в виде большой лепешки¹⁵. Девушки, подруги невесты, украшали *пирох* ветками (*справляли рощицу*), насаживая на них *рожки* — лепные фигуры из пресного теста. Среди них были «птишки-соловейчики», пара коней и пара свиней (знаки богатства), фигуры «мужичка» и «бабочки» (изображающие жениха и невесту), которых укрепляли рядышком на одной ветке с двумя рожками. Значение этого печенья раскрывают приговоры, исполняемые во время обряда: «Как рощица стояла не расходилась, так чтобы молодые не расходились» [Шереметьев 1929, 229].

В той же Калужской губ., в деревнях близ г. Перемышля, подруги невесты, приготавливая к свадьбе каравай, украшали его лепными изображениями птиц («знак девичьей вольности») и людей («знак рабства своему мужу») [Крылов 1915, 586]. Каравай свахи долго возили по деревне, после чего ставили его на стол жениха как украшение (специально подчеркивалось, что этот каравай не ели)¹⁶.

Фигуры из теста, украшавшие пряницу, и свадебное обрядовое печенье во многом схожи. Здесь и дерево — ритуальный символ девственности, символ красоты, воли и, одновременно, плодородия [Ивашева 1976, 192]¹⁷. Известно, что красота и воля, с общим символическим значением «девичество», имели разнообразные предметные выражения. Символизировала красоту и волю лента, в том числе лента вместе с пряником [Гура 1974, 173]. Возможно, именно поэтому в Архангельской

¹⁵ Тесто круто замешивали, по-видимому, для того, чтобы из него легче было лепить украшения, которые к тому же лучше держались в густом тесте. Кстати, для этого отлично подходило пряничное тесто.

¹⁶ Ср.: в Калужской и Орловской губ. каравай, который оформлялся разными лепными украшениями: птичками, шишечками, пекся у отца жениха и на третий день свадьбы, когда по обычаю угощают отца невесты [Добровольский 1902, 213].

¹⁷ Ср. также с замечаниями Г.Г. Шаповаловой: «Семицкая березка вошла в свадебный ритуал как "девья красота"» [Шаповалова 1977, 111] и И.М. Колесницкой и Л.М. Телегиной, которые называли украшенное дерево или ветвь (яблони, сосны, ели) в ряду образов, «символизировавших прощание с девичеством в свадебных обрядах восточных славян» [Колесницкая, Телегина 1977, 120].

губ. жених привязывал к прянику ленту с кольцом, предназначенным в подарок невесте, а лентой или лентообразной мишурой украшали свадебное калужское печенье и ростовскую пряницу.

Видимо, пряница хорошо раскупалась, если предприимчивые городские пряничники специально для крестьянских свадеб создавали сложный, схожий с обрядовым печеньем пряник. Пряница — лишь одна из разновидностей свадебных пряников, вероятно, существовавшая не только в Ярославской губ. В том же районе России, славившемся производством печатных пряников, во второй половине XIX в. на свадьбу покупали пряники, «испещренные» узорами с надписями: «КОГО ЛЮБЛЮ, ТОГО ДАЮ», «ОТ МИЛОГО ПОДАРОК ДОРОЖЕ ЗОЛОТА», «МИЛОСТИ ПРОСИМ НАШЕЙ ХЛЕБА-СОЛИ», «ЗА ВСЕ БЛАГОСТИ НАШЕ НИЗКОЕ ЧЕЛОБИТЬЕЦЕ» или «ЗНАК ЛЮБВИ», «ЗНАК ВЕРНОСТИ», «ЗНАК ПАМЯТИ» (см. например [Голышев 1874, 3]). Пряничные доски с подобными надписями сохранились во многих музеях страны. Они созданы резчиками различных губерний, что также подтверждает распространенность обычая свадебного угощения пряниками.

Пряник служил своеобразной разновидностью угощений из теста и, входя в свадебный обряд крестьян, явно выполнял в нем магическую роль. Красивое в народном представлении способствовало счастью, а контактная магия «через еду» еще в языческих верованиях древних славян считалась наиболее действенной. Хлеб в народе был символом жизни, богатства, благополучия, оберегом, и к прянику, возникшему на основе обрядового хлебопечения, перешли его магические функции. Во многом поэтому «хлебной силой» называли пряник в свадебных обрядах русских крестьян второй половины XIX в. И в своем оформлении пряник часто повторял круглую форму свадебного хлеба-каравая, декорацию свадебного обрядового печенья. В результате во второй половине XIX — начале XX в. *хлеб — обрядовое печенье — пряник* легко заменяли друг друга или вместе органично входили в свадебный обряд. При этом пряник вытеснял нередко и хлеб, и обрядовое печенье, занимая прежде им отведенное место. Немаловажную роль здесь играли нарядное оформление пряничных изделий, а также их вкусовые достоинства. Если хлеб, да и то ржаной, служил основным продуктом питания крестьян, то пряник был для них лакомством и довольно дорогим. Покупали пряники по праздникам. Очевидно, уже само слово «пряник» являлось для крестьянина, привыкшего к скудной пище, символом достатка и благополучия.

В народе жили представления о том, что красочный и сладкий, подчас «на одном меду», пряник должен был обеспечить «сладкую», счастливую жизнь молодых; магические функции хлеба и обрядового печенья усиливались в прянике его вкусовыми качествами и узором.

Среди русских крестьян второй половины XIX — начала XX в. во время дарения свадебных «хлебных» гостинцев повсеместно соблюдались определенные «действия», имевшие в народном представлении очень большое значение для будущей жизни молодых. Они были направлены прежде всего на призвание новой семье счастья, благополучия, плодородия. Обряд «отдаривания» (то есть когда одаривали сами молодые) должен был, в свою очередь, приобщить их родственников и знакомых к счастью и силе молодоженов, способствовать плодородию земли.

Несомненно, значение пряника на крестьянской свадьбе не следует объяснять только его обрядовыми функциями. Пряники в народе любили за их оригинальные вкусовые достоинства, которые определялись разнообразными добавками: медом, патокой, всевозможными пряностями. Их ценили за красочную декорацию, соответствующую всему традиционному празднично-торжественному оформлению свадьбы, за способность долгое время храниться, не теряя своих вкусовых качеств. В период слабо развитых путей сообщения это имело немаловажное значение, так как свадебные пряники могли заказываться и покупаться задолго до свадьбы.

Обычай свадебного пряничного угощения в России имел прочные корни и лучше, чем в городской, сохранился в крестьянской среде, приверженной к традициям и не избалованной новомодными кондитерскими изделиями. Не исключено, что в городе во второй половине XIX — начале XX в. пряник выполнял обрядовую роль в основном на свадьбе у крестьянского сословия, которое составляло в этот период половину всего городского населения [Жирнова 1980, 20].

Сведения И.А. Голышева о том, что пряник ко второй половине XIX в. утратил былое значение в народной свадьбе, показывают, что ранее традиция пряничных свадебных угощений была еще более развита. По мере того, как из памяти стиралась магическая значимость свадебных обрядов, должна была постепенно утрачиваться и обрядовая роль «хлебных» угощений, в том числе и пряника. Но со всей очевидностью можно утверждать, что во второй половине XIX — начале XX в. обрядово-магическая роль пряника еще не была забыта.

Литература

Артынов 1851 — *Артынов А.* Село Угодичи // Ярославские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1851. № 2. С. 20—24; № 3. С. 26—36; № 4. С. 40—44.

Балов 1899 — *Балов А.В.* Очерки Пошехонья. М., 1899.

Бломквист 1929 — *Бломквист Е.* «Сговорный пряник» или «пряница» — свадебный пряник из г. Ростова, Ярославской губернии // Отчет Государственного Русского музея за 1926 и 1927 год. Л., 1929. № 62. С. 61—62.

Болонева, Мельникова 1985 — *Болонева Ф.Ф., Мельникова М.Н.* Лиродраматические песни сибирского крестьянства // Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонева, М.Н. Мельникова. Новосибирск, 1985. С. 3—15.

Борисоглебский 1854 — *Борисоглебский Я.* Свадебные обряды в Александровском уезде // Владимирские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1854. № 23. С. 174—176.

Бурцев 1902 — *Бурцев А.Е.* Обзор русского народного быта Северного края. Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры, заклинания. СПб., 1902. Т. 2 — 3.

Воронов 1862 — *Воронов П.* Вельские свадебные обряды и причеты // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. Вып. 5. СПб., 1862. С. 1—50 (отд. паг.).

Виноградов 1917 — *Виноградов Н.Н.* Народная свадьба в Костромском уезде // Этнографический сборник. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 8. Кострома, 1917. С. 71—152.

Голышев 1865 — *Голышев И.А.* Богоявленская слобода Мстера Владимирской губернии, Вязниковского уезда. История ея, древности, статистика и этнография. Владимир, 1865.

Голышев 1874 — Атлас рисунков с старинных пряничных досок Вязниковского уезда, Владимирской губернии / Собрал и издал И.А. Голышев. Мстера, 1874.

Голышев 1874а — *Голышев И.А.* Пряничные произведения и их значение в старину // Владимирские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1874. № 26. С. 4—6.

Гура 1974 — *Гура А.В.* Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 171—180.

Даль 1882 — *Даль В.И.* Пряный // Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. Изд. 2-е. М.; СПб., 1882. Т. 3. С. 532—533.

Делекторский 1915 — *Делекторский В.* Устюжские свадебные обряды. Рукопись 1851 г. // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1915. С. 863—864.

Дементьев 1855 — *Дементьев В.* Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губер-

нии: (Отрывок из путевых заметок) // Москвитянин. Кн. 1. 1855. № 7. С. 65—134.

Добровольский 1902 — *Добровольский В.Н.* Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губерний // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 2. Отд. 2. С. 207—213.

Едемский 1910 — *Едемский М.Б.* Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. СПб., 1910. Вып. 1, 2. С. 1—48 (прилож.). Вып. 3. С. 49—96 (прилож.). Вып. 4. С. 97—137 (прилож.).

Жаворонков 1915 — *Жаворонков П.* Свадебные обряды русских крестьян в Царевококшайском уезде // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1915. С. 534—535.

Жирнова 1978 — *Жирнова Г.В.* Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе середины XIX — начала XX в. (на примере малых и средних городов РСФСР) // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 32—47.

Жирнова 1980 — *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980.

Заринский 1914 — *Заринский М.* Очерк крестьянских обычаев по р. Ваге в Архангельской губ. // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. С. 25—26.

Иваницкий 1885 — Бытовые песни, собранные по Вологодской губернии Н.А. Иваницким: (Этногр. материал) // Вологодский сборник, издаваемый при Вологодском губ. статист. ком. Вологда, 1885. Т. 4. С. 25—84, 93—123.

Иваницкий 1885а — Игровые песни, собранные по Вологодской губернии Н.А. Иваницким: (Этногр. материал) // Вологодский сборник, издаваемый при Вологодском губ. статист. ком. Вологда, 1885. Т. 4. С. 318—363.

Иваницкий 1885б — Любовные песни Вологодской губернии, собранные Н.А. Иваницким: (Этногр. материал) // Вологодский сборник, издаваемый при Вологодском губ. статист. ком. Вологда, 1885. Т. 4. С. 375—411.

Ивановский 1914 — *Ивановский А.* 3) Зарученье у мещан. Рукопись 1857 г. // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. С. 33.

Ивашнева 1976 — *Ивашнева Л.Л.* О взаимосвязи календарной и свадебной поэзии // Русский фольклор. Вып. XVI: Историческая жизнь народной поэзии. Л.: Наука, 1976. С. 191—199.

Каменская 1947 — *Каменская М.* Пряничная доска работы Матвея Ворошина // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. 2. Л., 1947. С. 36—37.

Кичин 1914 — *Кичин Е.* Разные заметки в этнографическом отношении по Кадниковскому уезду 1847 г. // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. С. 201—205.

Колесницкая, Телегина 1977 — *Колесницкая И.М., Телегина Л.М.* Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография:

Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 112—122.

Крылов 1915 — *Крылов М.* Этнографические сведения о жителях деревень, находящихся близ гор. Перемышля. Рукопись 1853 г. // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг., 1915. С. 585—587.

Линдеман 1906 — *Линдеман.* Рукопись. Архив Государственного Исторического музея. М., 1906.

Ордин 1896 — *Ордин Н.Г.* Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда // *Живая старина.* СПб., 1896. Вып. 1. С. 51—121.

Пушкарев 1846 — Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. 1, кн. 4: Описание Вологодской губернии / Сост. и изд. И.И. Пушкаревым. СПб., 1846. С. 41—45.

Рабинович 1978 — *Рабинович М.Г.* Свадьба в русском городе XVI в. // *Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы.* Л., 1978. С. 7—31.

Орехов 1914 — *Орехов Г.* Свадебные обряды, обычаи и песни в Холмском уезде Псковской губернии // *Живая старина.* Пг., 1913. Вып. 3—4. С. 305—317.

Слобода Мстера 1869 — *Зритель.* Слобода Мстера // *Владимирские губернские ведомости.* Ч. неофиц. 1869. № 17. С. 1—2.

Соколов 1914 — *Соколов, свящ.* Этнографическое описание жителей Высокорецкой волости Судогодского уезда // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 1. Пг., 1914. С. 153—156.

Терещенко 1848 — *Терещенко А.В.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2.

Тихонравов 1854 — *Тихонравов К.Н.* Свадебные обряды и плачи в Переславском уезде // *Владимирские губернские ведомости.* Ч. неофиц. 1854. № 18. С. 134—137.

Трефолов 1869 — *Трефолов Л.* Новые материалы для изучения Ярославского края // *Ярославские губернские ведомости.* Ч. неофиц. 1869. № 50. С. 3—4.

Тутьцева 1978 — *Тутьцева Л.А.* Вьюнишники // *Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы.* Л., 1978. С. 122—137.

Феоктистов 1860 — *Феоктистов П.* Обряды крестьян при свадьбах в Пензенской губернии // *Пензенские губернские ведомости.* Ч. неофиц. 1860. № 5. С. 42—45; № 6. С. 52—55; № 7. С. 59—61; № 8. С. 63—65; № 9. С. 70—73.

Шапвалова 1977 — *Шапвалова Г.Г.* Майский цикл весенних обрядов // *Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами.* Л.: Наука, 1977. С. 104—111.

Шейн 1902 — *Шейн П.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. 3. СПб., 1902.

Шереметьев 1929 — *Шереметьев М.Е.* Хлеб и обрядовое печенье. Калуга, 1929.

А.В. ЧЕРНЫХ

(Пермь)

«СЕЙ ПОЕСЬ СЛЕДУЕТЬ НОСИТЬ...»

(НАДПИСИ НА ПОЯСАХ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ)

Текстильный орнамент русских давно привлекает внимание этнографов. Однако многие его разновидности и по сей день остаются малоизученными. Так, до сих пор не получил должного освещения достаточно редкий вид текстильного орнамента — *буквенные знаки и текстовые надписи на предметах одежды и бытовых тканях*, в первую очередь на поясах. Материалы, полученные нами только в одном регионе — Пермском Прикамье, свидетельствуют, что исследование надписей на поясах достаточно перспективно. Оно позволяет выявить существенные особенности текстового и буквенного орнамента, его функции и символику.

В процессе работы над темой были изучены полевые материалы, собранные в разных районах Пермской области; коллекции Пермского областного, а также Чайковского, Краснокамского и Уинского краеведческих музеев. Было обнаружено около 70-ти поясов, на которых в качестве орнамента использовались буквенные знаки (из них около 50-ти содержат надписи, представляющие собой связные тексты). Все пояса датируются концом XIX — первой половиной XX в.

Буквенный и текстовый орнамент использовался только на полотенцах и поясах. Это было обусловлено, с одной стороны, технологическими особенностями: отдельные буквы и надписи хорошо подходили для заполнения узкого ленточного узора, применявшегося для орнаментации поясов. С другой стороны, сакральность слова как нельзя лучше соответствовала магической функции именно этих предметов в русской народной культуре [Байбурин 1992; Лебедева 1989; Плотникова 2002]. Буквы, слова, текст, выступая в роли орнаментального мотива, одновременно несли огромную смысловую нагрузку и тем самым дополняли, усиливали значение пояса в качестве оберега.

Редкость же подобного орнамента связана, с нашей точки зрения, со сложностью исполнения. Он возникает по преимуществу на поясах, исполненных в техниках браного и на тапках ткачества. Кроме того, выполнение надписей требовало определенного уровня грамотности, поэтому большинство поясов с текстами создавалось в старообрядческой среде